

УДК 37.013.77

Слободчиков В.И.

*доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО,
главный научный сотрудник Института психолого-педагогических проблем
детства Российской академии образования, г. Москва, РФ, почетный академик
Международной академии наук педагогического образования*

**РОЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ
СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

В статье рассматриваются концептуальные и мировоззренческие основания построения современного развивающего образования в контексте психологической антропологии.

Ключевые слова: *антропологический кризис, традиционная психология, антропные науки, способы бытия человека, развивающее образование*

Процессы глобализации сегодня очевидным образом приводят к цивилизационному кризису уже не только европейского, а планетарного масштаба: ускорение изменений в социальной среде, увеличение миграционных потоков, разрушение форм культурной идентификации населения - лишь отдельные метки разворачивающегося кризиса, список их может продолжить каждый.

Однако при более пристальном рассмотрении горизонта кризисного процесса можно придти к выводу, что глубинный, порождающий план кризиса - это **сам человек!** А значит в самом существе кризисной эпохи ведущей стороной оказывается именно **антропологический кризис**. Сегодня совершается своеобразный антропологический поворот: все происходящее с человеком приобретает решающую роль в бытии общества и культуры, в глобальной динамике современного мира.

Не претендуя на полноту раскрытия этой сложнейшей темы, отмечу лишь одно обстоятельство, имеющее принципиальное значение в рамках нашего разговора. Ряд футурологов указывают на кардинальную смену **оснований власти**: на переход от власти насилия и богатства к власти **знания**. Не буду обсуждать смену формулы - “кто управляет финансами, тот управляет миром” - на современную формулу: “кто управляет информационными потоками, тот властвует над миром”. Остановлюсь на резкой смене самого статуса знания и последствий этого для антропологического уровня реальности.

Эту смену можно обозначить довольно распространенной постмодернистской формулой: это - **смерть субъекта**, которая означает исчезновение метафизической инстанции в человеке **субъекта познания**, который господствовал в классической европейской философии от Декарта до Гегеля. Смерть субъекта познания повлекла за собой целую цепь смертей: на рубеже XX столетия было объявлено “Бог умер!”, а столетний период расчеловечивания человека привел к печальной констатации, что и “Человек умер!”, по крайней мере - **в европейском варианте модели человека**. Появился фрейдистский человек, скиннеровский человек, экзистенциальный человек, многоликий человек и множество других фантомальных моделей.

Сегодня философско-метафизическая мысль и само общество продолжают, подобно Диогену, пребывать в поиске человека. И не мудрено.

В существующей до сих пор “субъект-объектной” структуре сознания рационализма Нового и Новейшего Времени человек всегда предстал в качестве отдельного, часто изолированного **индивида**. Этот живой атом в процессах социализации как раз и становился **субъектом познания, субъектом действия, субъектом отношений**, оставаясь при этом психологически отдельной особью. Несомненно, что именно такой человек-субъект, жестко специфицированный форматами наличной цивилизации, если еще натурально и не умер, то сильно усомнен в полноте своего бытия.

Однако, чтобы не впадать в преждевременную панику, специально подчеркну, что

сомнение в жизнеспособности современного европейского человека связано прежде всего с формами и содержанием его собственного само-знания, которое как раз и задано характером естественно-научного, гуманитарного и метафизического знания о мире и человеке в нем. Это знание в позитивных науках всегда субъект-объектно, неспособное хоть как-то приблизиться, а тем более - удержать полноту человеческой реальности.

Надо сказать, что любая форма рационального знания с большей или меньшей степенью достоверности способна описать лишь уже ставшую культурно-историческую форму само-представления, само-данности человека самому себе. Весь человек, во всей потенциальной полноте своего бытия он открыт только своему Создателю, которого рационализм Нового Времени как раз и выносит за пределы собственно человеческого в человеке. Не вдаваясь в специальное богословское рассмотрение этого обстоятельства, попытаюсь все-таки наметить некоторые пути выхода из антропологического кризиса в рамках только психологии человека, понимая, что рамки эти ограничены. Но сейчас важен принцип поиска такого выхода и его перспективы для обретения человеком собственной человечности.

2. Сложность этого поиска заключается в том, что его невозможно обсуждать в рамках традиционной, классической психологии, т.к. в ней все о психике человека, но не о самом человеке! (я не буду сейчас останавливаться на специальной аргументации данного тезиса - об этом написано в № 6 Вопросов психологии, 1998 г.).

Психологическая антропология как психологическое учение о человеке, в частности - о его становлении и развитии в универсуме образования, еще только начинает складываться; ее основные категории очень часто имеют не понятийный, а - поэтико-метафорический статус. Это особая - антропная наука (в рамках наук о человеке) - не есть теория о происхождении его от обезьяны (и в этом смысле - это не биологическая, а именно - гуманитарная дисциплина); она должна разрабатывать свое собственное представление о сущности человека, о сугубой специфике человеческого способа жизни и его принципиального отличия от всякого другого - до-человеческого и сверх-человеческого.

И главная трудность для нашего "просвещенного разума" - именно здесь: она заключается в том, что психологическая антропология должна быть не о том, что есть - как любая наука о природе, а о том - как должно (или - может) быть. Иными словами, исходным основанием для нее является не учение об истинности и объективности того, что есть, а - о ценности и смысле самого бытия человека. Отсюда и первый вывод: гуманитарные (человеко-ориентированные) науки должны строиться в первую очередь на аксеологических (ценностных) основаниях.

Важнейшую ценность европейской культуры (к которой, хотим ли мы этого или не хотим, но имеем прямое отношение) можно выразить словами А.С. Пушкина "в самостояньи человека - залог величия его". Самостоятельность, самобытность, самосознание, самодействие человека, его индивидуальность и уникальность, его личностный способ жизни являются фундаментальными ценностями европейско-русской, православной культуры. Проблема в том, как это понять, в какой системе понятий выразить эти фундаментальные ценности-способности, которые собственно и позволяют человеку быть человеком?

Если сильно упростить эту вопросительную ситуацию, то легко увидеть, что ни в генах, ни в биологии человека, ни в социальных обстоятельствах нашей жизни мы эти способности не обнаружим: в социальной жизни мы вынуждены действовать, функционировать по нормам социальных структур, а не по своим стремлениям и хотениям; в биологической жизни - вынуждены жить по видовой программе антропоидов. Нельзя заставить быть самостоятельным, или - стать самобытным; нельзя заставить, принудить Другого стать и быть личностью; можно только ему самому вырасти в меру этих

подлинно человеческих способностей; стать на путь их обретения.

В переводе на психологический язык эти способности могут стать и быть только в развитии, и не просто в развитии - а в **саморазвитии**, в развитии собственной самости, в развитии самого себя. Принцип саморазвития в психологии - это главное ценностное основание всех наших знаний именно о психологии человека, а не о психологии психики; **психика не имеет личности и сама себя не развивает!**

Очевидно, что главным вопросом здесь является вопрос о **самости** человека. То, что она **есть** - это слишком хорошо известно каждому из нас ежечасно, но **что** она есть в своей действительности и **как** она возможна в своей заданности? - может открыться нам только в **практике** нашей жизни.

Чтобы ответить на эти вопросы достаточно грамотно, необходима специальная теория общего хода развития человека как субъекта собственной жизни, в основу которой должны быть положены предельные категории, одновременно схватывающие разные стороны этого развития - его **объект** (что развивается?), его **механизм** или **движущие силы** (как нечто развивается?), **вектор** развития (куда нечто развивается?), **результаты** развития (во что нечто развивается?) и ряд других - более частных вопросов.

Начну с того, что любая категория, любое понятие о сути человеческой реальности, бытии человека свое подлинное содержание получает именно в контексте самой этой реальности, а не извне ее. В противном случае, мы с неизбежностью будем плутать в их частных формах и частичных представлениях. Поэтому, как будет задано представление о специфике бытия человека - и именно человека (а не человекообразных) - такую интерпретацию частных понятий (в том числе - и психологических понятий) о его конкретном бытии мы и обречем.

Прежде всего, человек - это существо **сознательное** - способное отдавать себе отчет о самом себе (т.е. рефлексивное), и **деятельное** (способное к осознанному преобразованию). Так, Тейяр де Шарден считал (см. "Феномен человека"), что только способность к **рефлексии** полагает непреодолимую границу между до-человеческим и собственно человеческим способом бытия в мире. По словам же С.Л.Рубинштейна (см. "Человек и Мир") - именно *сознание и деятельность есть основополагающие характеристики человеческого существования, конституирующие саму его человечность*. С появлением человека в мире, сама Вселенная обретает осознанный и действительный характер.

Несомненно, что эти две фундаментальные "опоры" бытия человека в мире, столь убедительно утвержденные в свое время С.Л. Рубинштейном, резко проблематизировали "отражательно-познавательный" облик психики в традиционной психологии. Сознание перестало быть только совокупностью знаний человека о мире, а деятельность как сугубо онтологическая категория, перестала отождествляться с любыми частными формами активности человека. **Онтологический статус** сознания и деятельности человека не позволял исследователю успокаиваться на бесчисленном множестве рассудочных банальностей, выдаваемых за объективные их характеристики.

Однако, наличие только двух опор любую вещь делает принципиально неустойчивой, необходима третья опора. На этом моменте следует остановиться особо. Среди множества характеристик человеческой жизни недостаточно, на мой взгляд, учитывается одно фундаментальное обстоятельство: это - то, что живет человек прежде всего в системе реально-практических, живых связей с другими людьми. Нигде и никогда мы не увидим человека *до и вне* его связей с другими - он всегда существует и становится *в сообществе и через сообщество*.

Еще Марксом было показано, что родовой, всеобщий характер человека и его деятельности имеет своим реальным источником **общественность** человеческого отношения к миру. *Общественность* - это не обобщение *сходного* в индивидуальных человеческих отношениях к действительности, а исходное реальное основание, которое

выражает человеческую природу как таковую. Именно “общность”, а с моей точки зрения - **со-бытийная общность людей** (а не просто многообразие форм коллективности или совместной деятельности как частных обликов этой общности) есть искомое - *третье - онтическое основание человечности человека*.

Можно утверждать, таким образом, что эти три категории - **общность, сознание и деятельность** - являются предельными, не выводимыми ни из каких других; они являются **всеобщими способами бытия человека**, основаниями его жизни, задающими и весь универсум собственно человеческих характеристик этого бытия. Важно специально подчеркнуть, что все три основания взаимно полагают друг друга, здесь - **все во всем**; они одновременно являются и следствиями, и предпосылками друг друга, сохраняя при этом свою сугубую специфику.

И вот в этом месте я хочу сделать позиционное утверждение, чрезвычайно важное (по крайней мере для меня) для внятного различения рассматриваемых категорий. Для европейской культуры, к которой мы принадлежим, даже по факту рождения и последующего становления - **исходным основанием само-бытия** является именно **деятельное бытие человека**, где человек есть воплощенная деятельность, что в переводе на не русский язык - и есть его **субъектность**; достаточно всмотреться в саму структуру этого слова: субъект - есть одновременно источник и само действие; или - **самодействие**, действие самости, что, я и называю - воплощенной деятельностью.

Уровень, масштаб, тип практикования той или иной формы бытия человека задают уровень, масштаб и тип его субъектности: *субъектности в сознании (самосознание)*, *субъектности в общности (самобытность)*, *субъектности в деятельности (самодеятельность)*. Фактически, это и есть, на мой взгляд, главные линии развития человека как субъекта собственной жизни, в том числе - и как субъекта развития и саморазвития. Субъектность обнаруживает себя в главной способности человека: способности **превращать собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования**, что позволяет ему быть (становиться) действительным субъектом (автором, хозяином, распорядителем) собственной жизни.

3. И теперь третий тезис. В отечественной психологии, прежде всего - в культурно-исторической концепции достаточно отчетливо сформулировано, что именно **образование является всеобщей формой становления человека в пространстве культуры и времени истории**, способом обретения человеком базовых, родовых способностей, позволяющих ему быть человеком, а часто - и отстаивать свою человечность.

Концептуальные основы так понятого образования как раз и задаются выше обозначенными онтологическими категориями, удерживающими полноту человеческой реальности. В рамках идеологии развивающего образования необходимо специально обсуждать возможность и условия становления **со-бытийной детско-взрослой общности**, развития личностного самосознания, субъектного практикования собственной жизнедеятельности.

Системообразующие способы построения такого образования связаны, прежде всего, с разработкой **возрастно-нормативных моделей развития субъектности человека** на разных образовательных ступенях, для разных институтов и траекторий образования, имея в качестве главного основания интегральную периодизацию развития. Еще один способ - это построение в соответствии с нормативной моделью **развивающих образовательных программ** - главного инструмента педагогики и психологии развития базовых способностей и компетенций человека, становящегося в образовательных процессах.

Стратегические технологии модернизации современного образования связаны в первую очередь с построением **программ профессионального развития педагога** (а не только повышения его часто устаревшей квалификации), а также - с разворачиванием специальных психолого-педагогических и медико-социальных служб сопровождения,

помощи, поддержки человека в структурах и процессах образования.

Важно отметить, что конкретные прецеденты построения образования на вышеперечисленных основаниях уже существуют и работа в этом направлении продолжается.

Подводя предварительный итог сказанному, подчеркну еще раз - именно психологическая антропология в системе развивающего образования способна сегодня стать **альтернативой** идеологии естественного созревания и социального формирования отдельного индивида по лекалам и схемам современного, налично спутанного общественного сознания.

Литература:

1. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека. Введение в психологию субъективности. -Москва: Тихоновский гуманитарный университет, 2013 -2-е издание, исправленное и дополненное.

2. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология развития человека. Развитие субъективной реальности в онтогенезе. -Москва: Тихоновский гуманитарный университет, 2013 -2-е издание, исправленное.

3. Исаев Е.И., Слободчиков В.И. Психология образования человека. Становление субъектности в образовательных процессах. -Москва: Тихоновский гуманитарный университет, 2013.